

МАРГО

Не думай ни о чем и пиши.

Я знаю, что сейчас тебе не просто. Но, поверь, ты сильная, это у тебя в крови. Доктор Филипп (ты с ним уже знакома) посоветовал тебе написать послание и рассказать о себе, чтобы помнить и знать, кто ты.

Тебя зовут Марго. Правда, красивое имя? Мне оно тоже нравится. Ты влюблена по-настоящему, так, как можно только мечтать об этом. И если суждено все забыть — о любви и о нем, то о любви я напишу немного позже.

Оказывается, писать о себе сложно. Хочется рассказать слишком много и обо всем, но попросту не хватает времени. Родилась, потом выросла... Глупо получается. Пытаюсь понять, о чем еще написать, но мысли путаются. Странно...

Итак, ты — Марго, и, если сейчас ты читаешь эти строки, значит, операция прошла успешно. Успешно — это, наверное, не совсем подходящее слово. Ты жива или чувствуешь себя живой, но при этом ничего не помнишь. Доктор Филипп говорит, что это подарок судьбы — начать жизнь с чистого листа.

Он предупредил, что осталось совсем мало времени, и посоветовал поговорить с отцом. Мне жаль, что ты его не помнишь. Он хороший, добрый и единственный человек, который тебя по-настоящему любит.

«Я его ненавижу»... Да, ты ненавидишь собственного отца.

Хотела бы я увидеть твое удивленное лицо в то время, когда ты будешь читать эти строки. Да, я ненавижу собственного отца,

и мне кажется, что он тоже себя ненавидит. Мы видимся редко. Нет, он меня не избегает, просто, когда мы встречаемся, нам не о чем говорить, и мне проще его не видеть. Так было не всегда. Когда-то мой Великан был для меня самым любимым человеком на свете.

Есть воспоминания, которые невозможно изменить или утратить. Я хочу забыть их, но помню все и даже больше: скрип тормозов, крик мамы, ругань отца. Мир впереди разрывается на части. Вокруг все застыло. Осколки разбитого стекла, капли крови — я знаю, что это кровь, и мне страшно. Зависаю вниз головой, моргаю, и, когда открываю глаза, дорога дважды успевает перевернуться. Вдруг все, что скрипело, дребезжало и крошилось, исчезает, так, словно кто-то выключил звук. Тишина. Я никогда больше не слышала такой тишины. Все замерло и затихло. Я одна. Мамы не видно, она куда-то исчезла. Отец словно заснул на руле, и только я дышу и боюсь пошевелиться. Вдруг в мои уши ворвался жуткий звук автомобильного сигнала. С тех пор каждый раз, когда мне снится кошмарный сон, я слышу этот ужасный рев.

Отец выжил. Я не была на маминых похоронах, и он тоже. Говорят, что на похоронах все плакали, ведь она была так молода и красива. Но хоронили ее в закрытом гробу. Я злюсь на нее за то, что она меня оставила, но еще больше злюсь на отца, который отобрал ее у меня.

Воспоминания изменчивы. Порой мне кажется, что они играют со мной в прятки. Я пытаюсь вспомнить свое детство, маму, наш старенький дом, большую гостиную, Чарли — моего маленького йоркширского терьера. Я была еще совсем крохой, когда мне его подарили. Он младше меня всего на пару лет. Я любила Чарли. Мы вместе играли. Он всегда находил возможность лизнуть меня в нос, теплым шершавым языком, а я смеялась от щекотки. По вечерам мама играла на пианино. Я часами сидела на ковре в мире кукол, а Чарли носился вокруг меня.

Потом были сказки. Отец купил проигрыватель, и мы вместе слушали пластинки. Особенно мне нравилась сказка про Карлсона. У него была странная кнопка на животе, а на спине был прикреплен пропеллер. Карлсон любил Малыша, варенье и мог улететь в открытое окно куда захочет. Мне всегда хотелось купить проигрыватель и вновь послушать сказки, но до сих пор я этого не сделала. Сделай это за меня, тебе понравится.

Говорят, что мозг способен переписывать воспоминания, которые еще вчера казались важными, но со временем они обесцениваются. Из воспоминаний исчезает вкус, цвет, запах.

В тот день, помню, было очень холодно. Зима. Я была готова умереть в ожидании утреннего автобуса. Сейчас, мысленно проваливаясь в то февральское утро, я уже не чувствую холода и зимы. Помню, как дышу на замерзшие пальцы, в глаза светит яркое солнце, помню сугробы, пар, поднимающийся над дорожными люками, — и это, пожалуй, все.

Еду в холодном троллейбусе, прислонившись к окну. Дышу на стекло, чтобы видеть мир за окном. Серые высотки, словно карточные домики, они все похожи друг на друга, и вот так — десять остановок до конечной станции метро.

Под землей тепло и даже душно. Не люблю метро, в нем слишком много запахов. Весной, зимой люди повсюду, вечная суета и зловонное дыхание.

Из привилегий у меня есть маленькая квартира, которая досталась мне от бабушки, матери отца. В ней очень старые трубы, давно пора сделать ремонт — для начала хотя бы освежить обои. Скоро ты сама все увидишь.

Кстати, в тот день я была по-настоящему одинока. Купидоны... Они с самого утра были повсюду. Четырнадцатое февраля — сердечки, валентинки. Примирение. Любовь напоказ.

А для всех, кто одинок, это лучший повод нажраться и утонуть в печали.

На паркинге перед «Боском» еще пусто. Торговый центр откроется только через час. Ты всегда приезжаешь первой. И не потому, что тебе так хочется, а потому, что чем раньше выезжаешь, тем меньше встречаешь людей в общественном транспорте. Но стоит немного задержаться, как твой путь превратится в движение внутри банки, набитой протухшей сельдью.

Первым встречаю Боксера. Он работает охранником в «Боске» и по совместительству — парень Ренаты. Интересно, она тебя уже навестила? Если нет, то, поверь, Рената скоро появится. Между прочим, вы лучшие подруги. Она клевая, простая и добрая. Вы разные. Она толстушка, веселушка, много ест и никогда не грустит. Там, где Рената, всегда праздник и веселье.

Затем я вижу Царского. Это наш администратор. Правда, я не знаю, как его зовут, и мне это совсем неинтересно. Царский — это его фамилия, ее всегда можно прочесть на его золотистом бейдже. Он тебе противен. Почему? Да потому, что Царский — похотливая дрянь. Возможно, он в тебя влюблен, но свои чувства проявляет весьма странно.

— Зайди ко мне, — это его любимая фраза, и я делаю вид, что не слышу, быстрым шагом направляясь в комнату персонала.

— Царский, не трогай Марго! — уже в дверном проеме слышен голос Боксера. Не дожидаясь ответа, я закрываю за собой дверь.

Мой шкафчик — третий справа. Кто-то забыл убрать за собой поднос с печеньем со стола, где теперь ползает отряд муравьев. Не спеша переодеваюсь, как вдруг без стука вваливается Царский.

— Марго, ты глухая? Я тебя звал. — Он немного раздражен.

Рвотный комок подобрался к горлу. О ужас, этот запах! Если тебе придется с ним еще встретиться, ты узнаешь его по запаху. Кислый и острый. Он целыми флаконами выливает на себя какие-то духи и думает, что от него приятно пахнет. Я ему об этом еще скажу, но немного позже, а сейчас, стоя лицом к шкафчику, делаю вид, что его не существует.

— Ты глухая? — шипит Царский и, не дождавшись ответа, садится за стол.

Он сметает со стола крошки вместе с муравьями и затем тянется к чайнику. Ты отворачиваешься от него и слышишь, как он пытается всунуть в розетку вилку от чайника и при этом сильно кряхтит.

— Может, ты выйдешь? Мне нужно переодеться, — говорю, стараясь сохранять спокойствие. Возможно, где-то в глубине души я его боюсь, но знаю, что на самом деле он совершенно безобиден. Даже жаль его, оттого что он настолько ничтожен.

— С чего это вдруг? — Он пялится на меня, развалившись на стуле. — Я не к тебе пришел, чаю попью и уйду.

Но я знаю, что он никуда не уйдет. Единственный человек, который способен его вышвырнуть, еще не пришел, но совсем скоро появится. Для Царского это своего рода ритуал. Он всегда приходит пить чай тогда, когда я собираюсь переодеться, и не важно, это начало дня или его завершение. Однажды мне пришлось ехать домой в рабочей одежде, но не сегодня.

— Что ты тут забыл? — Рената появилась как всегда вовремя.

— Чай пью, — привставая, отвечает Царский.

— Слушай, давай не будем начинать. Ты главный, и все такое, — Рената посмотрела так, словно собралась свернуть его жирную шею.